
**В список вошел
121 англоязычный научный
журнал, посвященный
только высшему
образованию.**

Крупнейшим по объему журналом в моем списке оказался *Studies in Higher Education*, в котором за 2016 год было в общей сложности 2286 страниц. Вторым по объему стал *Academic Medicine* с 1707 страницами, третьим — *Higher Education* с 1646 страницами. Всего в 2016 году 14 журналов опубликовали более 1000 страниц каждый. При этом были журналы с менее чем сотней страниц: это либо относительно новые, либо очень узкоспециализированные издания. Таким образом, в одном только 2016 году найденные мной журналы опубликовали в общей сложности более 40 000 страниц. Если предположить, что одна печатная страница содержит в среднем 400 слов, то речь идет о 16 млн слов за один только год!

**Какие журналы лучше
и чего ждать в будущем?**

Благодаря индикаторам SCImago, описывающим относительный уровень цитируемости огромного количества журналов, их можно различным образом ранжировать. Среди изданий о высшем образовании самый высокий рейтинг (3,561 за статьи, опубликованные в 2015 году) у специализированного журнала *Internet and Higher Education*. Затем идет *Academic Medicine* (2,202) и три журнала общего профиля с практически одинаковым рейтингом: *Research in Higher Education* (1,724), *Higher Education* (1,717) и *Review of Higher Education* (1,703). Рейтинг больше 1 обладает еще восемь журналов. Среди 13 наиболее авторитетных журналов о высшем образовании есть престижные старые издания и относительно новые, большие и довольно маленькие, семь из них международные, а три — полностью американские, остальные три имеют смешанный редакционный состав.

Логично предположить, что количество журналов и общий объем статей о высшем образовании продолжат увеличиваться по мере роста интереса к расширяющемуся сектору высшего образования. Бумажные версии журналов по большей части прекратят выходить, почти все статьи будут доступны онлайн. Продолжится тенденция к переводу многих журналов и статей в открытый доступ, но некоторые престижные высококачественные журналы, скорее всего, будут продолжать взимать плату за скачивание.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.94.10525>

Исчезновение государственной монополии

Дэниел К. Леви

Дэниел К. Леви — заслуженный профессор отделения образовательной политики и управления образованием Университета штата Нью-Йорк в Олбани (США). E-mail: dlevy@albany.edu.

Мы регулярно публикуем материалы, подготовленные сотрудниками PROPHE (Программы по изучению частного высшего образования).

Стремительное расширение частного высшего образования за последние полвека отражается не только на росте абсолютного количества студентов, но и на увеличении доли частных вузов на рынке высшего образования. Сейчас в частных вузах обучается 60 млн человек, около трети от общего числа студентов в мире.

Рост частного сектора проходил параллельно с беспрецедентным расширением государственного сектора. При этом надо признать, что в результате этих процессов государство, по сути, потеряло свою монополию на высшее образование. Под государственной монополией мы понимаем простое отсутствие частных вузов — либо в силу законодательного запрета, либо просто в силу обстоятельств. Частные вузы, лишившие государство его монополии, делятся на коммерческие и некоммерческие, при этом в целом некоммерческих вузов в мире больше, но обе группы продолжают расти в численном отношении, а граница между ними постепенно размывается.

Долгое время государственная монополия на высшее образование воспринималась как норма. Еще в 1989 году так было и в Африке, и в арабских странах, и в Восточной Европе, и в некоторых частях Азии. Справедливости ради стоит сказать, что в Латинской Америке госмонополия кончилась раньше, а во многих развивающихся странах ее практически никогда и не было — там давно сформировался крупный негосударственный сектор. В результате распространения коммунизма к середине XX века государственная монополия на высшее образование в мире усилилась. Впоследствии в некоторых странах (например, Турции, Пакистане) прошла национализация частного сектора.

Исчезновение государственной монополии

Но наблюдающееся в последние десятилетия обрушение госмонополии нельзя ни с чем перепутать. Резким толчком к этому послужило начавшееся в 1989 году падение коммунизма в странах Восточной Европы

и Средней Азии. С тех пор количество стран, где существуют только государственные вузы, стабильно сокращалось.

По данным ЮНЕСКО, на 2000 год в мире насчитывалось 39 стран без частных вузов, а в 2010 году — уже всего 24. Это 24 из 179 стран, предоставивших данные с разбивкой по секторам. Но более внимательный анализ исследователей PROPHE показал, что государство сохраняет за собой монополию на высшее образование лишь в 10 странах: Алжире, Бутане, Греции, Джибути, Люксембурге, Мьянме, Туркменистане, Узбекистане, Эритрее и на Кубе.

Удивительно не только то, что этот список так короток, но и то, что неожиданным образом некоторые страны в него не попали. Так, коммунистический Китай еще в начале 1980-х годов отказался от государственной монополии на высшее образование, а вскоре его примеру последовал и коммунистический Вьетнам, и сейчас около 15% рынка в этих странах приходится на частные вузы. (Северная Корея не входит в число упомянутых 179 государств, но даже там, как ни удивительно, есть один негосударственный — евангелистский — университет.) В Турции, как и в Китае с Вьетнамом, разрешены любые частные вузы, за исключением религиозных. Начиная с 1980-х годов ни одно из левопопулистских правительств латиноамериканских стран даже не пыталось закрыть частные вузы.

Более того, даже упомянутый выше короткий список из десяти стран не дает в полной мере оценить сократившиеся масштабы госмонополии. Во-первых, три страны из этих десяти — очень маленькие, в них учится менее 10 000 студентов; в других трех странах количество студентов не превышает 300 000. Лишь в Алжире, Греции, Мьянме и на Кубе сохраняется крупная система государственного высшего образования. Во-вторых, в некоторых странах (Греции, Туркменистане, Узбекистане) разрешена международная или трансграничная образовательная деятельность, то есть, по сути, деятельность частных образовательных организаций. Формально в этих странах нет частных вузов просто потому, что они не имеют государственной аккредитации и не выдают дипломы государственного образца. И вообще не все частные вузы выдают признаваемые государством дипломы об образовании.

Зыбкая десятка

В некоторых из десяти вышеперечисленных стран (например, в Мьянме) уже идет активная общественная дискуссия о том, чтобы разрешить создавать частные вузы, и разрабатываются соответствующие законопроекты. В Алжире, крупнейшей из стран, где действуют только государственные вузы, уже несколько лет звучат конкретные предложения по развитию частного сектора высшего образования. Предвестником создания полноценных частных вузов является лицензирование иностранных образовательных программ.

Рост частного сектора проходил параллельно с беспрецедентным расширением государственного сектора.

С политической точки зрения нельзя не заметить, что рассматриваемые страны имеют определенный политический уклон, что, конечно, влечет за собой определенные последствия: речь идет о странах с явно левым политическим режимом (как бы расплывчат этот термин ни был). Конечно, как мы уже убедились, левизна не гарантирует, что монополия на высшее образование в стране будет принадлежать государству; наоборот, удивительно, как частные вузы хорошо в наше время чувствуют себя в странах с левым политическим режимом и как неустойчива госмонополия на высшее образование. Впрочем, нельзя и отрицать, что перечисленные десять стран гораздо «левее», чем остальные 169.

Самый яркий пример — Куба. Это единственная во всем американском регионе коммунистическая страна — и единственная же страна, где частное высшее образование запрещено. Пока на Кубе не наблюдается никакого движения в сторону открытия частных вузов. Среди 20 других стран Латинской Америки последним от госмонополии на высшее образование отказался Уругвай, причем еще в 1985 году. В Европе долгое время страной с самым активным государственным вмешательством в социально-экономическую жизнь оставалась Греция. Самым «левым» среди всех «-станов» традиционно считается Туркменистан (раньше с ним в паре был Таджикистан, но там недавно отказались от госмонополии на высшее образование). Политический режим Мьянмы на протяжении полувека ее независимости можно охарактеризовать как репрессивный, но с уклоном в социализм. Госмонополия в Алжире обусловлена не только французским колониальным наследием (бывшие французские колонии традиционно в меньшей степени предрасположены к приватизации, чем бывшие британские), но и политической левизной. Тот факт, что многие левые страны покончили с государственной монополией на высшее образование, не сулит этому феномену ничего хорошего, равно как и то, что некоторые страны, где еще действует госмонополия, уже предпринимают первые шаги на пути к либерализации рынка. В целом в современном мире в самых разных сферах общественной жизни наблюдается уклон в сторону приватизации.

Независимый наблюдатель, уделяющий меньше внимания политической идеологии и больше — организационным и системным тенденциям, мог бы просто

отметить, как появляются и закрепляются новые явления. Сначала государственные вузы существовали лишь в некоторых странах, но постепенно появились почти во всех, а сейчас то же самое происходит с частными вузами. И с государственными, и с частными вузами происходило примерно одно и то же: сначала в стране появляется один вуз, потом несколько, а потом они распространяются по всей территории. Но вне зависимости от того, действительно ли мы наблюдаем конец госмонополии на высшее образование или она еще возродится, предсказательство — не цель этой статьи. Во-первых, предсказывать развитие отношений между частным и государственным сектором не просто: могли ли исследователи времен устойчивой госмонополии предсказать масштабы, до которых разрастется сектор частного высшего образования? Цель этой статьи — выявить направления потенциального развития. Двухсекторная система высшего образования уже стала новой нормой практически во всем мире. Стремительное расширение высшего образования примечательно даже не конкретными цифрами, а своей вездесущностью. Государственная монополия на высшее образование — это теперь редкость.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.94.10526>

Новый взгляд на частное высшее образование в Бразилии

Таржину де Араужу Филью

Таржину де Араужу Филью — профессор Федерального университета Сан-Карлуса (Бразилия), в настоящее время — приглашенный исследователь Центра интернационализации высшего образования Католического университета Святого Сердца в Милане (Италия) по бразильской стипендиальной программе CAPES-PGCI. E-mail: targino@ufscar.br.

За последнее время в «Международном высшем образовании» вышло две статьи о частных вузах Бразилии: одна — о рисках роста коммерческого частного сектора, другая — о том, что именно этот сектор является двигателем роста бразильской экономики. Последнее заслуживает более внимательного изучения с учетом того, что 76% студентов бакалавриата Бразилии учатся именно в частных вузах, что делает страну мировым лидером по доле частного высшего образования.

Расширение бразильской системы высшего образования всегда происходило за счет негосударственного сектора, состоящего преимущественно из религиозных и некоммерческих вузов, при этом частные вузы гармонично дополняли государственные. Со временем ситуация изменилась, и к 1997 году в частных вузах учился 61% студентов. Новым толчком к развитию частного сектора стала легализация коммерческих вузов, которая привела к тому, что в 2015 году в стране действовало 2364 вуза, включая 2069 частных, примерно половина студентов обучалась в коммерческих вузах.

Принятие коммерческой логики

Пользуясь поддержкой инвестиционных фондов (преимущественно иностранных), коммерческие вузы начали скупать небольшие вузы, объединяться с другими, продавать свои акции на фондовой бирже — в общем, превратились в крупные коммерческие компании. Одиннадцать таких компаний обучает около 40% студентов, причем примерно половина из них обучается в одной из компаний. Четыре из 11 вузовских компаний не торгуют акциями, три компании зарегистрированы в Северной Америке. Оставшиеся четыре, включая две крупнейшие, зарегистрированы в Бразилии как открытые акционерные общества, а поскольку их основными акционерами являются международные инвестиционные фонды, эти компании входят в наиболее рентабельный сегмент бразильской фондовой биржи (BM&FBovespa). Две крупнейшие образовательные компании в 2016 году хотели провести слияние, но оно было заблокировано Административным советом по экономической защите Бразилии (CADE). Безусловно, можно говорить об олигополизации сектора частного высшего образования, что несет в себе определенные риски.

Если рассматривать отдельные ниши рынка высшего образования, больше всего инвестиций привлекают малозатратные программы, не требующие наличия дорогих лабораторий или высокооплачиваемых профессоров, например программы по бизнес-управлению или юриспруденции. Всего на подобных программах обучается около 38% студентов страны, и 86,8% от их числа — в частных вузах. Для таких программ характерна вечерняя форма обучения, а их целевая аудитория — взрослые люди, а не только что окончившая школу молодежь. Частные вузы доминируют и в сфере дистанционного бакалаврского образования: там на них приходится 91% «удаленных» студентов. И опять же, наиболее популярны программы в сфере социальных наук, бизнес-управления и права (44%) и педагогических наук (38%).

На уровне магистратуры и аспирантуры ситуация прямо противоположная из-за стоимости содержания лабораторий, библиотек и затрат на зарплату исследователей, так что здесь на частные вузы приходится всего 19% студентов. По сути, в Бразилии система подготовки магистров и аспирантов является